

Политика без купюр, экономика без глянца

www.fn-volga.ru

Газета

№1 (480) 21 мая 2020

В САРАТОВЕ

НЕДЕЛИ

Выходит с 12 февраля 2008 года

Это наш небольшой отчет о жизни в странный период нерабочих дней, об эпидемии, и пострадавших от нее людях, о жизни обычных людей и действиях властей. Когда этот номер «Газеты недели» будет у вас в руках, ситуация,

возможно, изменится, возможно, нет. Но в любом случае этот номер нашей газеты будет свидетельством истории нашей страны и области в один из самых напряженных моментов ее истории.

Апокалипсис отменяется

В первый день масочного режима саратовцы вышли на улицы, а полицейские с улиц ушли

Самоизоляция. Пропускной режим. Масочный режим. С каждым разом это звучит все страшнее и страшнее. Но, как и следовало ожидать: «Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения».

Матвей Фляжников

Сразу скажу, я не сторонник всепоглощающей паники, и меня история с вирусом не пугает: мы все умрем. Максимально ограничил свой круг общения, без явной необходимости не посещаю места повышенного скопления людей,

это даже в радость: всех вас люблю, но на расстоянии.

Однако на улицу выхожу ежедневно (у меня есть пропуск на работу), и первые две недели город, правда, был постапокалиптичен. Потом все резко изменилось. Люди устали сидеть дома и сходить с ума в четырех стенах — это объяснимо.

Не объяснимо - лично для меня - это история с тем, что сегодня мы сидим дома и боимся, а завтра гуськом, в обнимку с детьми и соседями, прёмся, например, на детскую площадку и весело проводим время, как будто ничего не происходит.

Тут вопрос не в личном здоровье — ну пофигу тебе, да пожалуйста. Но ведь есть группы риска, статистика не радует, число заболевших и умерших растет, в Саратове вообще не видно положительной динамики. А тут ты сходил, потусил в огромной толпе, вернулся домой, поехал на работу, цепочка контактов увеличивается, а за ней следующие.

Сегодня по редакционному заданию пошел делать фотореп. Концепция: рассказать людям, реально соблюдающим самоизоляцию, что происходит на улицах Саратова.

стр. 8

В номере:

Почему инфекционную больницу в Саратове решили строить на благотворительные деньги, а не обратились в Москву

Стр. 2

История балашовской семьи, которую земляки напрасно обвинили в распространении инфекции

Стр. 3

Рассказ журналиста Гульмиры Амангалиевой, которая вернулась из Англии и оказалась в строгом карантине

Стр. 4-5

Пациентка саратовского ковид-госпиталя в бывшем третьем роддоме: «Лежим в родилке. Очень страшно. Врачей жалко до слёз»

Стр. 6

Через два месяца после начала эпидемии власти решили помочь россиянам материально — не всем. Что из этого вышло

Стр. 7

Саратов в дни карантина — фоторепортаж

Стр. 8

Будем строить долго, но на свои

Почему «народная стройка» инфекционной больницы вызывает вопросы?

Новую инфекционную больницу в Саратове было решено строить собственными силами, чтобы власть и строители могли контролировать и само строительство, и его финансирование.

Пётр Новиков

Пандемия коронавируса обнажила проблемы российской медицины и показала тот ущерб, который нанесла ей так называемая оптимизация. Особенно сильно пострадали инфекционные клиники.

Видимо, авторы реформы полагали, что опаснее сезонных ОРВИ никакие инфекции нам не грозят. В частности, в Саратове была закрыта 6-я детская инфекционная больница, присматривались и к 5-й детской инфекционной. Но пандемия сломала планы оптимизации, пришлось перепрофилировать под COVID-госпитали обычные больницы и родильные дома. Уже в разгар эпидемии решили строить собственный инфекционный госпиталь. И вот здесь возникли странности.

Напомним коротко историю этой стройки. Первым высказал идею строительства инфекционной больницы председатель Торгово-промышленной палаты Алексей Антонов. По его словам, это была инициатива саратовских бизнесменов. При этом как-то по умолчанию было решено пойти методом народной стройки, то есть строить на благотворительные взносы. Первоначально только строительство больницы – без оборудования – оценивается приблизительно в миллиард двести миллионов рублей. Еще – опять же примерно – миллиард потребуются на установку современного оборудования.

Заметим, что прежде при строительстве медицинских учреждений такого масштаба неизменно привлекались средства федерального бюджета. Так было при строительстве перинатального центра на Зерновой улице, такая же история при строительстве онкологического центра.

Почему на этот раз не обратились в федеральный центр – непонятно. Другие губернаторы – об этом позже – обращались в Москву и получили необходимые средства или помощь в другом виде.

Для сбора пожертвований организовали два фонда – один в Торгово-промышленной палате, другой образовала Общественная палата области. Причем здесь ОП, тоже непонятно: скорее всего, ее председатель просто решил немного попиарить себя и свою контору.

К началу мая известно, что деньги на строительство пожертвовали губернатор Валерий Радаев, вице-губернаторы Александр Стрелюхин и Игорь Пивоваров, мэр Саратова Михаил Исаев, спикер областной думы Александр Романов. В какой фонд они перечисля-

Фото Ник Лухминский

ли средства, неясно. Пока также нет ясности, идет ли сбор средств населения и в какой фонд, известно только что собрано около 35 миллионов. Было также обращение сброситься к медикам области, потом последовало разъяснение, что предложение адресовано только главным врачам. Наконец стало известно, что 100 миллионов рублей в проект перечислит компания «Фосагро», чей завод удобрений расположен в Балакове.

Понятно, что в очередной раз надеялись на лоббистские возможности Вячеслава Володина. Ведь скорее всего, инициатива принадлежала именно ему. Но обнародовать ее поручили Алексею Антонову. Вряд ли саратовские чиновники отважились на начинание такого масштаба по собственной воле, без согласования со спикером ГД.

И Володин не подвел. Сначала он заявил на странице volodin.saratov в Instagram: «Весь проект стоит один миллиард двести миллионов. Со своей стороны, постараюсь, чтобы средства в объеме 50 процентов на эти цели были найдены. Поэтому надеюсь, что вторая часть будет решена губернатором, правительством Саратовской области. Затем необходимо, конечно, её укомплектовать современным оборудованием. Это отдельная тема, и её правильно было бы обсудить также исходя из того, что порядка миллиарда необходимо на оборудование для этой больницы. Надеюсь, что на таких же паритетных началах вместе с губернатором, правительством Саратовской области мы сможем решить и эту задачу».

В общей сложности губернатору предстоит где-то изыскать миллиард рублей. Похоже, вопрос стоит так: «Если не дорожки, то кто»? Но дорожки не спешат. Радаеву остается только объявить сбор донатов на своей страничке в Instagram, где у него высокие рейтинги.

Володин же свое слово сдержал, сначала стало известно, что он «нашел» 461 миллион – примерно 40 процентов от стоимости строительства, источник средств на первых порах не был назван. Потом стало из-

вестно, что это помощь бюджета Москвы. Для столицы не самая большая сумма – примерно столько же – 451 миллион – было выделено на разгон облаков 9 мая. К тому же Москва не первый раз участвует в саратовских проектах, например, на столичные деньги благоустроивался центр города – пешеходная зона и т.д.

Тем временем под будущую больницу изыскан участок земли (кадастровый номер 64:48:040209:8), предыдущее назначение – «выращивания и реализации подраста деревьев и кустарников, используемых в сельском хозяйстве». Площадь земли составляет 197,8 тысячи кв. м. Расположен участок в удалении от города на Петровском тракте. Это означает, что к будущей больнице еще надо подвести коммуникации, смонтировать установки обеззараживания стоков, что, понятно, сделает проект еще более дорогим.

Кстати, место выбрано не самое веселое – между двумя кладбищами – Елшанским и Сторожевским. Это, возможно, упростит логистику будущей больницы, но вряд ли повысит настроение пациентов. К тому же возникнут сложности в наборе персонала: не каждый захочет ездить в такие дали.

Проект больницы будет готов ориентировочно к 20 мая, но земляные работы уже начались. К строительству привлечены четыре организации, генеральный подрядчик – АО «Саратовоблжилстрой». Контролировать строи-

тельство от областной думы будет депутат Леонид Писной, он же генеральный директор АО «Саратовоблжилстрой». На самом деле это удобно: сам строишь, сам себя контролируешь.

С самого начала проекта в саратовских СМИ появилась информация, что сметная стоимость больницы катастрофически занижена, указывалось, что примеры других регионов свидетельствуют о том, что построить заявленный объект за 1,2 млрд. рублей невозможно в принципе. Приводился в пример инфекционный корпус, который в рекордные сроки строила Москва, способный принять 800 больных.

По оценке «Ведомостей» ударная стройка Сергея Собянина обошлась бюджету в 16–22 млрд. рублей. Саратовская больница вдвое меньше московской по числу мест и больше, чем в десять раз, дешевле. Простите, но так не бывает. Тем не менее куратор и главный строитель больницы Писной уверен, что к 1 июля корпуса будут стоять.

Но дальше что? Поиск спонсоров на приобретение оборудования, монтаж его, обустройство палат и боксов, при этом с совершенно неясными источниками финансирования? И когда строительство завершится?

Возникает вопрос: почему Саратов не пошел традиционным для всех регионов путем – не попросил денег из федерального бюджета? Как, например, это сделал Воронеж.

Напомним, решение о строительстве воронежского объекта было принято во время общения по видеосвязи губернатора Александра Гусева и Владимира Путина 22 апреля. Гусев попросил Владимира Путина помочь в финансировании строительства в Воронеже новой инфекционной больницы.

По оценкам губернатора, стоимость строительства больницы – около 2,5 млрд. рублей (как и в Саратове). Область может софинансировать до 20 процентов от строительства, а само же строительство займёт ещё пару лет.

Президент предложил не ждать столько времени, а пойти по другому пути: построить в Воронеже капитальную быстровозводимую инфекционную больницу по проекту Минобороны. Шойгу подтвердил, что больницу по проекту Минобороны можно построить всего за два месяца, строительство уже идет полным ходом.

По проекту Минобороны сейчас уже строятся 16 быстровозводимых многофункциональных медицинских центров в разных городах России. Работы на них начались в конце марта. До 30 апреля предполагалось сдать комплексы в Одинцове, Подольске, Нижнем Новгороде, Волгограде, Новосибирске, Оренбурге, Улан-Удэ, Уссурийске, комплекс в Нижнем Новгороде уже сдан. Комплексы в Ростове-на-Дону, Севастополе, Омске, Петропавловске-Камчатском, Хабаровском крае, Смоленске, Калининграде и в Ленинградской области должны быть сданы к 15 мая.

Так почему же мы не последовали примеру других городов России, а выбрали свой извилистый путь, который непонятно когда приведет к завершению строительства? По всей видимости, если бы Саратов попросил средства у Путина, то президент послал бы нас к Шойгу. Да, саратовские строители могли бы стать субподрядчиками строительства, но им (и чиновникам тоже), видимо, хотелось полного контроля и над строительством, и над его финансами. Вот и весь ответ. А то, что инфекционный комплекс будет готов тогда, когда пандемия завершится, это уже второй вопрос.

Строительство инфекционной больницы в Воронеже

Коронавирусная травля в Балашове

Жителя Балашова и его беременную жену «затравили» в социальных сетях за распространение коронавируса. Их фамилии и адрес кто-то слил в сеть. Правда, результаты их тестов оказались отрицательными.

Анна Мухина

Но ответственности за приглашение данных так никто и не понёс. Зато главу семьи уже привлекли к суду за нарушение самоизоляции.

Окрестили заболевшими

18 марта Михаил Гоголев, его жена Василиса и их дочь вернулись с отдыха в Турции в Москву. 19 марта семья приехала в Балашов. На тот момент Турция не считалась опасной страной по распространению коронавируса – на всю страну было зарегистрировано 98 заболевших и один умерший.

Гоголевы, как положено, предупредили о своем возвращении поликлинику, женскую консультацию, где наблюдается беременная Василиса, и детский сад дочери. Ушли на добровольную самоизоляцию, редко выбираясь в магазин за продуктами или подальше от города в лес, чтобы пятилетняя дочь и беременная жена Михаила могли подышать свежим воздухом.

Тесты на коронавирус у всех членов семьи взяли только 27 марта, тогда же вручили и предписание о самоизоляции с 18 по 31 марта.

Второго апреля сайт «Балашов» со ссылкой на анонимный источник публикует информацию о том, что в городе подтвержден первый случай коронавируса. В комментариях под новостью кто-то выкладывает адрес семьи Гоголевых и имя-фамилию жены Михаила.

Утром второго апреля мне звонит мой арендодатель – женщина, у которой я снимаю квартиру, и начинает интересоваться моим здоровьем, – рассказывает Михаил. – На вопрос – почему вы беспокоитесь? – отвечает: управляющий нашей УК сделал рассылку по общедомовому чату, что у моей жены, Василисы Гоголевой, подтвержденный коронавирус. Хотя с моей семьей на тот момент вообще никто по этому поводу не связывался – ни врачи, ни Роспотребнадзор. Никто. Потом появляется статья на «Балашовере», в комментариях пишут наш адрес и фамилию. И начинается настоящая травля: убить, сжечь, зарезать!

Попытки поговорить с редакцией ресурса и убрать хотя бы комментарии с адресом, по словам Михаила, ничего не дают. Попытки выяснить в областном минздраве, Роспотребнадзоре и в местной медсанчасти, пришли ли результаты теста на коронавирус и какие они, – ничего не дают тоже.

Близкие начали бояться не только за нас, но и нас, соседи стали шушукаться, – вспоминает

Михаил. – Я вынужден был спрятать машину и закрыться дома, чтобы разъяренные горожане не испортили мне имущество. В связи с открытой угрозой жизни в интернете, я реально начал переживать за здоровье и жизнь своих членов семьи.

А в половине шестого вечера в тот же день ко мне пришли представители местного Роспотребнадзора и изолировали нас уже принудительно. Результаты тестов в тот момент, правда, так и не сообщили.

Внезапный карантин

Так семья Гоголевых оказывается во внезапной изоляции. Вместе с ними по предписанию – как говорит Михаил – сажают на карантин и их старших родственников – родителей Василисы и родителей самого Михаила.

Мало того, что нас упекли в карантин, так еще и жену хотели госпитализировать в инфекционную больницу! – вспоминает Гоголев. – Здоровую беременную женщину, без признаков ОРВИ хотели увезти в отделение, где процентов 70, наверное, лежит с пневмонией. Но я не дал. Мы написали отказ от госпитализации и закрылись дома.

Несколько дней Михаил и его семья сидели в принудительном карантине, не имея возможности даже пополнить запас продуктов. Два дня Гоголев пытался подать заявление в полицию, чтобы правоохранительные органы выяснили, кто слил их персональные данные в Сеть. Кто приложил к этому руку в Роспотребнадзоре. Почему именно его жену обвинили в распространении коронавируса, если официальных результатов все еще не было. Полиция, по словам Михаила, отказывалась приходить к Гоголевым домой, опасаясь заражения. Отказывалась принимать заявление.

Меня травят, в МВД меня не защищают, Роспотребнадзор ни

какого ответа не дает, – вспоминает Гоголев. – В минздраве никакой поддержки и помощи нет. При этом элементарно никто не может помочь ни еды принести, ни мусор вынести – нет никакой социальной помощи. Мы отрезаны, изолированы от внешнего мира. А те, кого бы я мог попросить принести еды, просто нас боятся. На фоне этой дезинформации нас боится весь город!

От отчаяния Михаил написал про свою ситуацию всем, кому мог – федеральным СМИ, политическим партиям, блогерам. Откликнулись только коммунисты.

Никто никого не ищет. Депутат Совета муниципального образования город Балашов Александр Мякишев взялся помогать Гоголевым. Он сделал депутатские запросы в полицию, прокуратуру, главе города и в управление Роспотребнадзора.

На сегодня у меня на руках два ответа: от главы города Балашов и от полиции, – объясняет Мякишев. – Глава пишет, что вопрос слива данных в Сеть не в его компетенции, поскольку сайт «Балашов» как СМИ не

зарегистрирован. МВД отвечает, что никаких проблем с принятием заявления от Гоголева у них не было. Ждём ответ от прокуратуры. И если прокуроры не увидят там причины для реагирования, будем делать запросы в областную прокуратуру и дальше.

С ресурсом «Балашов», считает Мякишев, общаться бесполезно: комментарии они модеруют на предмет мата – такое удаляют. А вот адрес и фамилия семьи из комментариев на момент обращения Михаила к коммунистам в комментариях всё ещё оставались не затертыми.

Есть мнение, что надо публиковать адреса, по которым проживают зараженные коронавирусом люди, это якобы лучше поможет соблюдать самоизоляцию, а при необходимости и карантин, – говорит балашовский депутат. – Но мне кажется, что наше общество к такому пока не готово. И дело не в том, что люди у нас какие-то не такие. Просто у них нет уверенности в том, что им окажут достаточную медицинскую помощь. Еще Наталья Мазина (министр здравоохранения на тот период – ред.) говорила, что в Балашове ни одна больница не готова к приему коронавирусных больных. Человек заболевает, ему куда? Конечно, это вызывает страх. Именно поэтому публиковать данные заболевших не стоит. Но опять же в ситуации с Михаилом и его семьей всё по-другому. Официально результаты тестов не объявили даже семье. А их уже прополоскали по всему городу! Это ситуация вопиющая! Так быть не должно.

Тесты отрицательные, но это не помогает

Шестого апреля Михаил вместе с семьей выехал в магазин. Утром ему позвонил представитель Роспотребнадзора и сообщил, что результаты теста на коронавирус у их семьи отрицательные. И что они могут прервать изоляцию. Правда, на тот момент никаких документов на руки семье пока не выдали.

Пока все против меня, – говорит Михаил. – Полиция ведет политику двойных стан-

дартов. Меня они защищать не хотят, дело по моему заявлению не движется. А против меня работают. Кто-то из соседей написал на меня «донос»: якобы я нарушил карантин. Меня хотели оштрафовать, привлекли к суду. В суд я, кстати, попал по чистой случайности. Никаких извещений мне не приносили. Я обнаружил пропущенный вызов, перезвонил. Оказалось, это звонили из суда. Сказали, что заседание по моему делу состоится во вторник, 21 апреля: «Но вы можете не приходить». А я пришел. Пришел и доказал с документами в руках, что я ничего не нарушал. Суд принял мою сторону. Но вот решения я пока на руки получить не могу.

Травля за коронавирус...

...явление, увы, повсеместное. В Брянске досталось пастору церкви «Пробуждение» и его семье. В Иркутске травле подверглась семья, у которой ребенок оказался заражен новым коронавирусом.

Но то были реальные случаи заражения, что, конечно, не оправдывает тех, кто эти семьи травит. Здесь даже официальные данные областного оперативного штаба подтверждают версию Михаила Гоголева.

На второе апреля в Саратовской области было зарегистрировано всего 15 заболевших. Среди зараженных жителей Балашовского района нет.

Даже если мы возьмем карту распространения коронавируса по региону за 11 апреля, мы увидим, что даже 11 апреля Балашовский район чист – в нем не зарегистрировано ни одного заражения.

Почему официальный сайт муниципального района еще второго апреля опубликовал новость о подтвержденном случае в их городе, а «Балашов» сделал перепечатку со скриншотом – остается загадкой.

Михаилу и его семье до сих пор никто не принес извинений за вынужденный карантин, за травлю, последствия которой семья разгребает до сих пор, за испорченную репутацию.

Семья Гоголевых

Зомби ходят среди нас

Журналистка Гульмира Амангалиева после 6 месяцев проживания в Великобритании вернулась в Россию, где ее ждал карантин в подмосковном санатории. Рассказывает о бюджетном отдыхе за госсчет в коронавирусные времена и «России 1» вместо физиопроцедур.

Гульмира Амангалиева

The storm will pass

«Здесь, именно в этой аудитории, до вас сидело 17 студентов из Уханя», — отстраненно, с созерцательностью буддистского монаха сообщил о неминуемости накрывающего трындеца наш преподаватель Эндрю. Это был конец января, студенты со всего мира только вернулись в Оксфорд после рождественских каникул.

Спокойствие от того, что трындец неизбежен, передалось и нам. Через пару недель Эндрю делал фейспалм, когда обсуждал визит Бориса Джонсона в больницу с первыми коронавирусными больными, которым тот добродушно жал руки (никаких вам желтых скафандров). Еще через месяц Эндрю уже ничего с нами не обсуждал, потому что занятия в универе отменили.

Мы следили за новостями. 7 марта коронавирус подтвердили у одного оксфордского студента. К 9 марта их стало двое, через четыре дня в три раза больше. Симптомы обнаружились у исследовательницы, накануне читавшей нам доклад в небольшой аудитории.

В конце февраля наш коллега сообщил что, имея мягкие симптомы, получил положительный результат на тест. Сложилось впечатление, что зомби ходят среди нас, может быть, я и сама уже зомби — неминуемый трындец, в конце концов, неминуем...

По-настоящему я почувствовала все масштабы апокалипсиса когда в один вечер отменили концерт в пабе, а на следующий — вечеринку в нашем колледже. Тогда мы с коллегами еще могли собраться в полупустом пабе и соглашались:

— Нет, ну если закроют и пабы, для британцев это будет национальная катастрофа...

— Надеюсь, до этого не дойдет.

Это было за неделю до того, как Борис заявил о закрытии пабов, ресторанов и ночных клубов. «Некоторые люди, конечно, могут испытать желание выйти сегодня вечером в последний раз, и я говорю вам: пожалуйста, не надо» — попросил премьер-министр. (Логично предположить, тот вечер я провела, присосавшись к последней пинте эля, то же сделали многие другие, так что паб был набит под завязку).

Борис Джонсон разрешил выходить из дома для занятий спортом, прогулки или покупки продуктов и медикаментов. Прохожие, встречаясь на улице, очерчивали полукруги. Люди в масках и противогазах дисципли-

нировано выстраивались в очередь на расстоянии двух метров перед входом в аптеки и супермаркеты.

Приятным ритуалом стали вечерние аплодисменты на улице и из окон сотрудникам национальной системы здравоохранения. На окнах вывешивали оптимистичные детские рисунки с радугой: The storm will pass (бура пройдет).

Мой образ жизни изменился, но в целом по-прежнему меня устраивал: вместо занятий в университете — книги и фильмы, вместо посиделок в пабе — прогулки и пробежки на свежем воздухе. Я принимала жизнь такой, какая она есть — да и как на нее можно жаловаться, если ты находишься в Оксфорде, самом прекрасном городе на земле?!

Эвакуация

Мои коллеги тем временем спешно собирали чемоданы и, не успев попрощаться, бежали в переполненный аэропорт и улетали последним рейсом до того, как границы начали закрываться.

В России долгое время число новых случаев оставалось относительно невысоким. В середине марта я решила обменять свой билет с вылетом в Россию 20-го апреля на более раннюю дату. Поскольку онлайн это было сделать больше нельзя, а дозвониться до горячей линии было невозможно, мне не оставалось ничего другого как приобрести новый билет на 31 марта.

Увы, коронавирус подкрался и к России. 27 марта, в пятницу, Россия официально закрыла границы. На выходных Аэрофлот, как ни в чем ни бывало, продавал билеты в оба конца на избранные направления, включая Лондон. На горячей линии авиакомпании уверяли, что летим по плану. Но в конце рабочего дня в понедельник, 30 марта, Росавиация решила, что вывозные рейсы нужно сворачивать к чертям. Контрольный звонок в Аэрофлот подтвердил, что нет повода для беспокойства — «пока все по плану».

В одиннадцать вечера за день до вылета на мою почту пришло письмо от Аэрофлота: «ваш рейс отменен, перебронирование будет произведено автоматически». «Ну окей, — подумала я, перевернувшись в полусне на другой бок, — то есть рейс отменили как регулярный и перевели в вывозной. Мне ведь пообещали, что все будет ок».

На следующее утро я, навьючив на себя два чемодана и рюкзак, добралась на перекладных из Оксфорда до Хитроу... чтобы прочитать на табло, что мой рейс отменен.

К счастью, вопрос с жильем был легко улажен — я вернулась в свою уютную и просторную комнату, где мне даже предложили пожить даром столько, сколько понадобится. Руководство программы стажировки, в которой я участвовала, обещало оказать всяческую помощь. Британское правитель-

В аэропорту Шереметьево

ство соглашалось продлять визы для иностранцев, вынужденных остаться в стране. Посольство России в Лондоне увещевало: мол, вывезем всех, кому надо уехать, но приоритет будет даваться залетным краткосрочным визитерам, а не долгоживущим. Дата моего возвращения на родину оставалась интригой.

Однако уже на следующий день, 1 апреля, приятный голос сообщил: «Здравствуйте, это ГульНАра? Звоним из посольства. Скажите, не хотели ли бы вы полететь домой завтра?» Я согласилась. Потом подумала: шутка — зачет! Потом вспомнила, что по чисто российской привычке меня обозвали Гульнарой (хотя со дня рождения ношу имя Гульмира) — все в порядке, запахло родиной...

Это был шанс на миллион, ведь неясность пугала. Через два дня родина окончательно откажется от своих граждан, оставшихся за рубежом — а потом опять скажет, что «своих не бросаем».

Сюрприз для шелупони

Моя попытка выезда номер два не предвещала ничего дурного. На стойке регистрации приняли мой багаж напрямую до Саратова. В салоне самолета нам раздали памятки о домашней самоизоляции. Мы также заполнили бланки со своими данными для всяких там контролирующих органов.

С посадкой в Шереметьево в двенадцатом часу ночи началось интересное. Пассажиров попросили остаться на своих местах, и женщина, замурованная в защитный костюм, прошла между рядами и нацелила на лоб каждого пистолет-термометр. Москвичей с пропиской попросили к выходу, остальные остались.

— Сначала Москву, потом всю Россию... — объяснял по телефону сидящий недалеко пассажир.

Другая пассажирка жаловалась бортпроводнице:

— Вот говорят: два метра дистанция — а тут где два метра?! Эти маски — как мертвому припарки, носишь только, чтоб не приставали...

— Как в том анекдоте: кровать метр восемьдесят, а муж спать на полу не хочет, — вторила ее соседка.

— На Сахалине загнали весь самолет из-за границы в больницу, по десять человек в палату — здоровых и больных. Сказали: сами виноваты, не хрен было кататься! — делилась слухами пассажирка с другого кресла.

Примерно через полчаса нам разрешили покинуть самолет.

После паспортного контроля протянулся долгий хвост, в голове которого толпились люди в костюмах космонавтов и полицейские в масках. Ребенок спал поперек чемодана, пока его мать заполняла бумаги.

Часа через полтора очередь дошла и до меня. Женщина-космонавт попросила прочитать бумагу и проставила пару подписей. Там между строк сообщалось, что согласно свежему постановлению главного санитарного врача, я на две недели помещаюсь под observation в подмосковный санаторий в поселке Рузский... Штраф за невыполнение постановления — пятьсот рублей. Наказание за распространение заболевания — от восьмидесяти тысяч рублей до пяти лет лишения свободы, ткнула в текст латексным пальцем «Валентина Терешкова».

За другим столом сидели пятеро ее коллег с околоземной орбиты, работа которых заключалась в том, чтобы брызнуть пассажиру на руки антисептик со словами «это все, зачем мы

здесь». Никакого тестирования не проводилось.

Это был первый день и второй рейс в Шереметьево, на который распространился принудительный карантин. Тут и там слышались вздохи:

— Как чувствовал! Надо было оставаться...

— Хочу обратно в Лондон!

— Почему это москвичам можно домой на домашнюю самоизоляцию, а нам нельзя? Потому что мы шелупонь?! — негодовала женщина.

— Все вопросы главному санитарному врачу, мы только исполняем, — отпирался человек в форме.

Единицы отказывались от «отдыха» за счет бюджета, но им грозили штрафами и суровыми последствиями. Ко мне подошел полицейский и, сощурив глаза, ухмыльнулся из-под маски:

— Вы уже определились: едете ли вы домой, со штрафом — или в санаторий?

— Конечно, отдыхать за государственный счет, — отвечала я. Это моя первая в жизни бесплатная путевка в санаторий.

«Проводят тут две недели и едут домой отдохнувшими»

В середине ночи полицейские рассадил нас по микроавтобусам и отправили в добрый путь. Водитель и его приятель, заглядывая в навигатор, матерились, ехали, останавливались покурить, кому-то звонили, снова матерились и ехали. К счастью или нет, часа через два приветливо заблестала колючая проволока на ограде санатория, в который мы приехали...

«У нас тут никто не болеет. У нас тут проводят две недели и едут домой отдохнувшими», — радушно встретил нас человек в белом защитном комбинезоне, тяжелой маске и очках как для ныряния.

Как выглядит принудительная изоляция возвращенных на родину граждан

Меня и еще одну пожилую женщину проводил в комнату такой же белый комбинезон. Я осмотрелась: четыре койки с тумбочками, бойлер с водой, телевизор, отдельная душевая и туалет. «Я вас пока закрою до завтрака», — деликатно сказал комбинезон, и повернул ключ в двери с другой стороны.

Так началась моя принудительная коронавирусная изоляция, о которой я стала вести дневник.

День первый:

В девять утра постучали. Люди в защитных костюмах приставили пистолет-термометр ко лбу, оставили еду в пластике, и снова закрыли снаружи дверь на ключ. Повторили то же самое в обед и вечером.

Тут почти all inclusive. В нашем лакшерии номере есть даже балкон, но он закрыт. Зато открываются окна, и дышать свежим воздухом пока можно безнаказанно.

Я делю комнату с бабушкой 75 лет, которая ездила в Лос-Анджелес и возвращалась с домом с пересадкой в Лондоне. Других расселили по трое-четверо, а ей сделали скидку в силу возраста и больше никого к нам не поделяют. Бабушка, «чтобы что-то говорило», весь день держит включенным канал «Россия 1» — я придерживаю крышу, чтобы не полетела. Прослушала ее историю о дочери, реализовавшей американскую мечту не жить в России. У соседки астма, но у обоих из нас не видно никаких симптомов вируса.

День второй:

Коллега прислал фото, как проходит его обсервация по возвращению домой в Японию. Поместили в уютный номер в отеле, оставили градусник, вешают пакет с едой на ручку двери. Дверь, кстати, снаружи не закрывают на ключ — просто попросили не гулять без надобности. Такая государственная халатность!

Кроме того, коллега сразу прошел PCR-тест и ждет результатов. Нас пока так и не тестировали (хотя в аэропорту обещали протестировать три раза за все время обсервации). Ответили, что возьмут анализы на коронавирус, как и у всех «надомных» любителей завозить заразу, только на десятый день.

День третий:

Коллега из Токио рассказал, что получил результат теста — отрицательный. Теперь он может идти на все четыре стороны, нет смысла его держать и тратить деньги налогоплательщиков.

Зато если у меня что-то и есть, к десятому дню возможно уже пройдет (в противном случае можно валить на бабуку).

Другой повод позабавовать соседей: коллега из Астаны тоже довольствуется изысканным меню в лучших традициях советских больниц, но получает добавку и булку с какао на полдник. У нас такого нет, порции небольшие. Зато не растолстеешь.

Разнос еды — главное событие дня. Вчера и сегодня завтрак принесли около одиннадцати, обед — около трех полудни. На замечание, а нельзя ли попозже, в ответ крик души: вас тут навалом, а нас мало — два часа уходит, чтобы разнести еду и выслушать нытьё каждого! (интерпретация моя).

Еду не закажешь и не попросишь персонал — объясняют, что сами «не выезжают». По всем вопросам сотрудники велили обращаться напрямую к главврачу — но у него, как у нормального человека, выходные. Кто-то самозабвенно барабанит в закрытую дверь, но это бесполезно.

Еще тут ужасно медленный интернет — и мобильный, и вай-фай. Даже сообщения в мессенджере не отправишь с первого раза. Почти не поработаешь и не посмотришь фильмы — только Россия 1 в качестве физиопроцедур... Я пока спасаюсь: слушаю истории бабушки, повторяю за ней упражнения для спины, читаю привезенные книжки и веду эти заметки.

Да, и не хватает ерша для унитаза. Ну, это я уже разбалованная...

День четвёртый

Сегодня на завтрак нас покормили молочком с несколькими крупинками — типа кашей, и какой-то крашеной сладковатой водицей типа какао. Мы подумали, что скоро так протянем ноги. Благо, у бабушки-соседки есть знакомые знакомых, которые принесли нам пакет продуктов. Санаторий это принял, но персонал не хотел приносить пакет до обеда — видимо, чтобы не контактировать лишний раз. Тогда бабуля-одуван позвонила главврачу и строго отчитала его за баланду. Наши продукты сразу же принесли.

День пятый

После звонка главврачу порции стали заметно лучше, блюда вкуснее и разнообразнее, стали предлагать добавку — до того, что мы стали переедать. Тиграм в клетку подкинули мяса — тигры сыты. У меня началась стадия принятия. Я уже думаю: и как я жила раньше, когда не приходилось отдыхать весь день, и никто не приносил еду?! Трудная была жизнь...

День шестой

Моя 75-летняя соседка смотрит телевизор на полной громкости, а потом обсуждает со мной то, что услышала:

— Знаешь, года два-три назад был разлив нефти в Мексиканском заливе. Чтобы собрать эту нефть с поверхности, американцы придумали биологическое оружие, которое пожирает все живое. Потом они начали проводить исследования в одной своей лаборатории в Китае и в другой на севере Швейцарии, на границе с Италией. Но произошли утечки, причем китайский коронавирус совсем другой — не такой, как европейский. А теперь американцы больше всех страдают. Вот, так и подтверждают.

— Где подтверждают? — уточняю.

— По телевизору.

— А-а.

— В Лос-Анджелесе зять-американец с ухмылкой спрашивал: «Вы верите, что это мы создали этот вирус?» — Он же американец — я не могла ему сказать правду. Конечно, я сказала, что не верю... — рассказывает бабушка, как проявила дипломатичность.

Дипломатичность проявляю и я.

День седьмой

Сегодня «экватор», завтра начинается обратный отсчёт. И, надо сказать, мысль покинуть санаторий меня пугает... У меня больше не будет так много времени, не будет покоя, свободы от житейских проблем. Кажется, это называется «стокгольмский синдром»?

Сейчас бабушка смотрит передачу со шпионкой Анной Чапман. Там объясняют, как лечить рак силой мысли и избавиться от облысения оливковым маслом с чесноком. Бабушка сидит перед телевизором с блокнотом и ручкой.

— Что вы пишете? — спрашиваю.

— Записываю рецепты лечения.

Соседка рассказывает, как и сама пробовала решить проблемы с желудком несколькими головками чеснока натошак — говорит, кажется, помогло (ну уж точно не курс препаратов, которые пила в те же дни).

Но главную тайну века: чем лечить коронавирус — Чапман так пока и не раскрыла.

День восьмой

За эти дни мне позвонили из отделения Роспотребнадзора районной администрации, полицейского участка, оперативного штаба по борьбе с коронавирусом в Москве — всем поступила информация, что я вернулась из-за границы, и хотели узнать, соблюдаю ли я карантин. Я успокоила что, мол, санитары обо мне уже здесь позаботились.

Разговаривала по телефону с мамой, живущей в деревне. «И медичка звонила, и из сельсовета, говорят „скажи, когда она приедет“, — все так переживают за тебя!» — умиляется мама. «И не говори, — чувствую себя такой значимой».

День девятый

На девятый день в комнате с «Россией 1» я все больше понимаю, как же мне повезло родиться в этой стране. По телевизору показывают, как стонет Италия, бьется в конвульсиях Америка. И что бы они делали без помощи нашего государства, которое отправило туда высококачественное медицинское оборудование и лучших специалистов на борьбу с эпидемией!

Нашему народу тоже немножко перепало. Сообщают, что на отечественных тестах на коронавирус, дающих сверхточный результат, проверяют чуть ли не по миллиону граждан в день.

Завтра долгожданный день — у нас должны взять анализы на коронавирус. Ура! Так я узнаю, не являюсь ли я бессимптомным носителем, представляю ли я опасность для общества, не заразилась ли от меня моя пожилая соседка с астмой.

День десятый

Сказали хрен нам, а не тесты: нет жалоб — значит здоровы.

День одиннадцатый-тринадцатый

В последние дни начались хлопотные сборы домой. И, как выяснилось, вернуться домой — это тот еще квест.

Вопрос с централизованным трансфером из санатория в аэропорт так пока и не решен — думаю, путевку в санаторий нам оплатили только в один конец. До аэропорта ехать два часа, такси стоит как золотые яйца и редко приходит, тем более с введением пропускного режима.

По новым правилам ехать по столице и Московской области можно только по индивидуальным пропускам. Сделать это можно тремя способами: оформить онлайн на сайте, заказать по телефону или отправить СМС. Но качество интернета в санатории оставляет желать лучшего, горячая линия всегда занята, а комбинация букв и цифр редко устраивает СМС-автоответчик. Немного терпения (на самом деле много) — и с третьей попытки я стала счастливым обладателем одноразового кода для проезда до аэропорта.

Улететь домой в день своего освобождения нельзя — единственный самолет летит в Саратов только на следующее утро, 17 апреля. Согласно моему тарифу, я могу изменить дату своего вылета без доплаты. Аэрофлот билет обменял, но не

постеснялся спросить с меня 736 рублей за «разницу курса валют». Не знала, что такая опция теперь включена в товарно-денежные отношения. Предчувствую, как пойду в магазин за хлебом по 40 рублей, а мне на кассе скажут: с вас 60 рублей — за разницу курса валют.

А после того, как я расплачусь двухнедельным заключением за поездку за границу, возможно, в Саратове мне придется покататься заочником и за Московскую область... В областном минздраве ответили обтекаемо: «вам же там наверняка делают какие-то анализы — вот мы на них посмотрим и решим». Ха-ха-ха.

День четырнадцатый

День отъезда. Нам дали бумагу с печатью санатория (о том, что температуры и жалоб нет), от которой должны перепугаться наши саратовские контролеры, «а уж там как они решат».

Вместо освобождения я готовилась пойти дальше «по этапу» в Саратове и отсидеть еще две недели. На удивление, областной Роспотребнадзор по телефону предоставил мне амнистию: отбыв две недели в подмосковном обсерваторе, я могу жить нормальной жизнью жителя Саратовской области — насколько ее можно считать нормальной.

Транспорт до Шереметьево все-таки предоставили, но на девять часов утра и час дня. Я же попросила персонал остаться в санатории до позднего вечера, а потом поехать в аэропорт на такси. Соседка уехала ранним утром. Весь день меня кормили двойными порциями.

Когда человек в белом костюме в последний раз открыл дверь, чтобы проводить меня до выхода, стало немного грустно.

— Надеюсь, вам у нас было не сильно плохо, — почтительно сказал белый костюм.

— Спасибо, четыре звездочки на трипэдвайзере (tripadvisor — крупнейшая в мире платформа для путешественников — ред.).

— Что?

— Да так, ничего.

Реабилитация

Когда следующим утром самолет приземлился в аэропорт «Гагарин», сразу почувствовалось наступление тяжелых времен. В туалете — хоть глаз выколи, только насмешливо горит электронное табло: «оцените качество нашего обслуживания». Женщина, настоящая саратовчанка, ткнула пальцем на самую грустную рожицу, подкрепив свой поступок добрым словом. Дальнейшие события показали, что мы слишком изнежены — снаружи еще страшнее.

Через пару часов, когда я дома в семейном кругу праздновала свое освобождение, пришел СМС-сообщение от госуслуг: «Вы нарушили режим изоляции». WTF?!

После небольшого телефонного футбола (федеральный Роспотребнадзор — пас, областной центр медицины катастроф — пас, областной Роспотребнадзор — пас), единый областной консультационный центр по борьбе с коронавирусом: «Возможно, сбой в системе...». И добавили, что если придут вязать полицейские, нужно показать филькину грамоту из санатория — быть может, она спасет.

А через пару дней мне пришло сообщение, что предоставленные мной для передвижения по Московской области данные «не прошли проверку».

К счастью, на следующий день меня простили и даже извинились.

Но я пока не расслабляюсь — Большой Брат следит за мной.

«Лежим в родилке. Очень страшно. Врачей жалко до слёз»

С редакцией «Свободных» связалась пациентка госпиталя для заболевших новой коронавирусной инфекцией и рассказала о том, в каких условиях лежат пациенты и работают врачи. Женщина попросила сохранить её анонимность.

Болезнь. Начало

Заболела я на прошлой неделе, в среду, 22 апреля. Накатила внезапная слабость. Сил нет, лежу, как квашня, хотя с давлением все нормально. Решила измерить температуру – 37,5. Для меня это удивительно, потому что при ОРВИ у меня температуры никогда не бывает. Конечно, тут же написала знакомому со «скорой». Он посоветовал пить противовирусное и следить за состоянием. Если к утру улучшений не будет, вызвать участкового врача.

Утром легче мне не стало, и я сделала вызов. Врач пришла – защитного костюма у нее не было, была одноразовая маска, слегка закрывавшая рот. Осмотрела меня, выписала свечи виферон и парацетамол. Велела начинать пить антибиотики, если лучше не станет. А если и антибиотики не подействуют, то вызывать скорую и сдаваться врачам.

Конечно, я ее спросила насчет теста на коронавирус. Врач по телефону спросила про тесты у начальства. Ей ответили, что тестов нет. «Даже для нас тестов нет, – пожаловалась она. – Мы ходим, контактируем, а нас никто не проверяет. Говорят – тестов нет. Хотя по телевизору сказали, что их хватает».

В пятницу вечером я стала принимать назначенный мне антибиотик, но к воскресенью к температуре, которая не спадала все эти дни, добавилось неприятное чувство в груди: как будто я долго-долго кашляла, и у меня от этого внутри всё раздрает и болит. Стало невозможно вздохнуть полной грудью – я и хочу, а у меня не получается. Тогда я решила вызвать скорую помощь.

Карета скорой помощи приехала минут через 30-40. Приехал молодой мальчик – не знаю, врач или фельдшер. На нем халатик одноразовый, кепочка, одноразовая маска и пластиковые очки. Забрали меня в больницу.

Госпиталь

Привезли меня в бывший третий роддом. Стали принимать. Давление померили, кровь взяли. В приемном все в защитных костюмах. Но, мне кажется, они и сами не очень понимают, что надо делать. Хотели измерить кислород в крови, но пульсоксиметры у них все детские. Так и не измерили, в общем.

Врач, которая меня ведёт – молоденькая неонатолог. О том, что компьютерную томографию мне тут не сделают, потому что у них томографа нет, она сказала со слезами на глазах. Но рентген, сказали, сделают.

Подняли меня на третий этаж, в палату, которая рассчитана на двух человек. Пообещали, что ко мне никого не поделят. Правда, в первую же ночь у меня побывало двое соседей. Сначала одну привели, но она пробыла недолго. Её почти сразу перевели в другую палату. Потом в два часа ночи подсадили другую женщину. Она была в маске, конечно, но всю ночь ужасно кашляла.

Соседка рассказала, что лежала в шестой горбольнице – то ли на обследовании, то ли с каким-то хроническим заболеванием. Пациенты там стали валом заболеть ОРВИ. И её отправили домой – сказали – у тебя иммунитет крепкий, выдержишь. Но она дней десять или двенадцать провалялась дома с кашлем и температурой, а потом всё-таки вызвала скорую. Причем её привезли сюда часов в шесть вечера, а в палату она попала только в два часа ночи. Потому что скорые, действительно, стоят в очереди в приемник.

В семь утра мою соседку увели. А утренняя смена очень удивилась, когда узнала, что ко мне подсадили другого пациента.

Третий этаж считается «грязной» зоной. Пациенты между собой не контактируют.

Врачи работают с нами в защитных костюмах. Но экипированы по-разному: одни ходят в масках по типу противогаза, другие в пластиковых очках, а маски у них самодельные, марлевые.

Еду нам приносят в одноразовой посуде. Но туалет, как ни странно, у всех общий.

Может быть, только в нашем крыле так. Может быть, в настоящих палатах туалеты индивидуальные. А моя палата – это бывшая ординаторская. На двери даже табличка осталась. А дальше по коридору есть акушерская. В ней тоже кто-то лежит.

Передачи для пациентов принимают. У меня есть хроническое заболевание. Лекарство, которое мне жизненно необходимо, мне нужно принимать ежедневно. В спешке я забыла взять его с собой. Присла потом мужа передать мне запас. Он привез. Мужа, кстати, на коронавирус не проверяли, как и свекровь, которая живет с нами. А вот к сыну с тестом пришли. Может быть, потому что он формально еще ребенок. А может быть потому, что у него астма.

У меня мазок на коронавирус взяли только через сутки после поступления. До этого просто кормили, измеряли температуру и кололи антибиотик. Тогда же через сутки меня отвели на рентген. Видимо, тут никогда не было рентген-кабинета. И рентген аппарат у них передвижной – такая палка на колесиках. Я с пленкой прижималась к стене, чтобы меня «сфотографировали». Рентген-кабинет находится на первом этаже. Нас туда водят через приемное отделение, куда привозят новеньких. Ни мы, ни врачи, конечно, по дороге не переодеваемся. Чем и с кем я тут «переопылюсь», мне даже представить страшно.

Температуру нам измеряют «пистолетками» – бесконтактными термометрами.

Они почему-то все время показывают 36,6. Мой домашний градусник показывает мои прежние 37,5, а у моей новой соседки температура выше 38 градусов, но «пистолет» каждый раз выдает ей норму.

На вторые сутки в госпитале меня перевели на первый этаж, в общую палату – бывшую «родилку». Нас в этой «родилке» четверо. Сказали, что первый тест на ковид пришел отрицательный. Теперь я лежу в зоне, которая по словам медиков – «чистая». Но санитарки к нам приходят из приемного отделения – приносят нам еду, делают уборку. У них на спинах поверх костюмов так и написано «приемное». Мне кажется, они по дороге к нам из приемного нигде не переодеваются в чистое.

Врачи прибегают к нам на этаж из реанимации, где много «тяжелых», чтобы отдохнуть. На рентген моих соседок по-прежнему водят через «приемник». Я сомневаюсь, что можно хоть как-то говорить о «чистоте» нашего этажа.

Результатов рентгена мне добиться так и не удалось. Что там на снимках, мне неизвестно. Есть у меня пневмония, нет – я до сих пор не знаю. Здесь, в «чистой зоне» мне лежать еще дней десять. И еще дважды сдавать тест на ковид. С подобной организацией мой третий тест вполне может оказаться положительным. И мне от этого очень страшно.

При этом врачи здесь все хорошие, добрые, очень отзывчивые. Видно, что они стараются. Просто они заточены роды принимать и детей выхаживать. А не лечить инфекционных больных. И мне их всех так жалко, просто до слез.

Я до сих пор не знаю, где я могла подхватить болячку. Может быть, когда ходила лечить заболевший зуб? Пожалуй, берегите себя все. Не выходите на улицу.

«Там толпа стоит! За деньгами пришли!»

Саратовцы штурмуют отделения ПФР в надежде получить «детские» десять тысяч

Владимир Путин 11 мая пообещал очередную финансовую поддержку семьям с детьми. Право на единовременную выплату десяти тысяч рублей получают те семьи, где есть дети от трех до 16 лет. Выплата положена на каждого ребенка. Доход семьи значения не имеет. Заявление можно подать в электронном виде через Госуслуги или через личный кабинет на сайте Пенсионного фонда.

Анна Мухина

Несмотря на то, что подать заявление можно до 1 октября, страждущие родители обвалили сайт Госуслуг и Пенсионного фонда прямо в вечер обращения. А штурмовать отделения пенсионного фонда стали на следующее утро.

На штурм!

Из указанных на сайте шести номеров телефонов отделения ПФР в Заводском районе Саратова уже третий оказался свободным.

- Здравствуйте! У меня двое детей от трех до 16 лет. Я хочу получить выплату 10 тысяч рублей. Что мне для этого нужно?

- Не знаю я. Еще нет никаких инструкций, приказов, уведомлений. Наверное, паспорт, свидетельство о рождении и реквизиты счета, куда перечислять деньги.

- А вы меня можете записать на прием?

- Мы никого не записываем. У нас нет инструкций. Я пока ничего не знаю. Я только зашла, а там уже толпа стоит – за деньгами пришли!

Через два часа после телефонного разговора я и сама становлюсь частью живой очереди, хвост которой вываливается из дверей отделения ПФР на улицу. В толпе стоят молодые мамы, молодые мамы, молодые бабушки, молодые бабушки, мужчины, которые пришли сдавать документы за отчетный период (видимо, предприниматели) и те, кому «только спросить». В масках примерно половина очереди. У части людей «ковидники» сдвинуты на подбородок. Никакой дистанции – каждый следующий дышит в затылок предыдущему. Иногда страждущие объединяются в группы по интересам.

- Здесь очередь за выплатой от трех до 16? Или от трех до семи? – спрашивает седая женщина в бордовой маске.

- До шестнадцати! От трех до семи – это вам в другую дверь надо! – отвечает ей молодая женщина в спортивном костюме (без маски).

- Ой, а меня оттуда сюда отправили! – подхватывается бабка и убегает обратно. Через пять минут возвращается в наши стройные ряды. Похожую историю переживает примерно каждый третий – сходно сложно разобраться, какая дверь какие выплаты обещает.

За углом, с другой стороны здания на Орджоникидзе, 11 находится Центр социального обслуживания. Туда, кстати, тоже стоит очередь. Тоже никакой дистанции. Рядом с очередью носятся дети.

Люди прибывают. Интересуюсь – зачем вы здесь?

- Десять тысяч получить хотим.

- Вы по записи? Или записываться? А документы какие нужны?

- Мы не знаем. Мы просто спросить. Нам сказали прийти, мы и пришли.

- А что на сайте?

- А что на сайте? Сайт ПФР «лежит», а Госуслуги пишут – нет такой услуги.

Заныриваю в коридор. Наверху лестницы стоит строгая черноволосая дама в маске. Дама сдерживает толпу – выше первой ступеньки никого не пускает – дальше территория ПФР, там надо соблюдать дистанцию. Дама периодически исчезает, оставляя вместо себя уборщицу – пожилую, усталую женщину в халатике в цветочек и в замурзанной маске. Уборщица сердобольная, к ней пробивается седовласая, очень пожилая дама – без очереди!

Появляется черноволосая и тут же сгоняет бабушку вниз. Потом, опомнившись,

приглашает ее сесть на стул в «зале ожидания».

- Вы записываете на подачу заявлений? Может быть, сразу заявления принимаете? – подаю я голос.

- Нет и нет!

- А зачем же мы тут стоим? – удивляюсь я громко. Из толпы на меня громко шикают.

- Погодите, а список документов какой-нибудь есть? А по телефону вы на прием записываете?

- Списка документов нет! Заявление подавайте через Госуслуги!

- Но сайт висит! – ропщет очередь.

- Читайте всю информацию на двери! На внешней двери вся информация вывешена! – повышает голос черная дама.

Выхожу на улицу и понимаю, почему информация, вывешенная для пущей доступности на входе в Пенсионный фонд совершенно недоступна. Дверь распахнута настежь и для надежности (чтобы не закрывалась) привязана за ручку к стене. Внешнюю сторону двери не видно никому, если только специально туда не заглядывать. К ней и правда прищиплена бумажка с необходимой информацией. О том, как воспользоваться личным кабинетом на Госуслугах и на сайте Пенсионного фонда РФ. Очень «полезная» информация в момент, когда оба ресурса работают через пень колоду, а то и вовсе лежат.

Оставляю бессмысленные попытки прорваться в Пенсионный. Заворачиваю за угол. У дверей Соцзащиты стоит благодушный дяденька с усами – очевидно, сотрудник. И объясняет озадаченным матерям, какие документы надо собрать, чтобы получить пособие на ребенка от трех до семи лет. Со всеми подробностями и соблюдением необходимой дистанции.

- Паспорта родителей, свидетельства о заключении (или расторжении) брака, справка с места жительства, СНИЛС каждого из членов семьи, реквизиты счета в банке, куда будет поступать выплата. Справка о доходах обязательным документом не является, но если вы можете ее получить, то лучше принесите. Мы и сами сможем запросить эти сведения, но это займет время, а значит, выплаты придут позже. Доход учитывается с 1 ноября 2018 года до 31 октября 2019 года – суммируете совокупный семейный доход, делите его на 12 месяцев, а получив-

шую сумму на всех членов семьи. Если она меньше 9521 рубля – это прожиточный минимум в Саратовской области – то можете звонить вот по этим телефонам – показывает на распечатку, прищипленную к двери – и записываться. Учтите, сейчас будет немножко сложно дозвониться. Ажиотаж большой. Но вы все равно звоните, пробуйте. И все получится.

В это время похожая толпа собирается в Энгельсском отделении ПФР (фотографию нам прислали читатели).

В Волжском районе с очередями все чуть проще. Наш внештатный корреспондент и мать четверых детей Надежда Андреева рассказывает:

- Кажется, что эти десять тысяч я могу оформить только лично. У меня не подтверждена регистрация на Госуслугах. Названивала я им сегодня всё утро. Их всех номеров в Волжском управлении живы три. По одному просто ничего не знают, пребывают в шоке и посылают к секретарю. 67 вызовов секретарю – телефон у меня работает в режиме автодозвона. Всё время занято. Но мне удалось пробиться. Дважды. Почему дважды? В первый раз секретарь меня переключила куда-то, где мне ответили, что лично у них в отделе эта программа еще не установлена. «Позвоните по этому номеру, там вам расскажут». В итоге 48 вызовов – или занято, или не берут.

Повторно прорываюсь к секретарю. В этот раз меня переключают на юристов, которые теперь записывают страждущих на прием. Записали мою фамилию, телефон. Сказали, что списка необходимых документов пока нет. Но мне перезвонят в течение двух-трех дней. Или в течение недели. Или уж по-любому (это девушка-юрист так выразилась) до первого октября. И пригласят на прием для подачи заявления. Когда деньги дадут, не сказала.

И что самое интересное – буквально через полчаса мне перезвонила живая девушка и записала меня на подачу заявления на утро четверга.

Ситуация с выплатами такая, что все родительские чаты забиты воплями, возгласами и недоверчивым обсуждением грозящих выплат. Многие возмущаются неосознанностью граждан, создающих очереди, когда на дворе пандемия и ковид.

- У кого денег совсем нет, те и побежали, - объясняет кто-то из родителей. - Кушать-то всем охота.

Апокалипсис отменяется

стр. 1

Приехал на вокзал и двинулся наблюдать. Первое, что вызвало истеричный хохот, это сквер на Привокзальной площади. Не было ни одной (!!!) свободной лавочки. Люди сидели и наслаждались теплом весеннего солнца.

Вспомнил замечательных ребят в форме полиции, которые недавно в этом же месте подошли ко мне проверять документы, один из них представился Женюком и пригрозил: ай-ай-ай, смотри не сиди на лавочках, запрещено, оштрафуем, транзитная зона, а уж как режим введут пропускной, то вообще стрелять начнем (шутка).

Прошло две недели, пропускной режим ввели, масочный режим ввели, сотрудников полиции «не ввели». Я за всю свою сегодняшнюю прогулку увидел только двух сотрудников, они были из ДПС, стояли около ФОК Юбилейный, когда я возвращался домой. В центре города вообще нет ни одного человека в форме.

Масочный режим. Это тоже такой фарс и цирк. У меня есть три многоцветные разноцветные, очень красивые, маски, но я прекрасно понимаю, что это больше модный аксессуар. Настоящие медицинские маски - это такие штуки из хлопка в несколько слоев, где можно и нужно менять фильтр. В противном случае они

становятся бесполезны и даже вредны для дыхательной системы. Такие я видел у единиц встречных.

А обязать людей носить маски повсеместно — удивительная глупость. Ну, ребят, вот вы там сидите наверху, решаете что-то, вы бы хоть у умных людей спросили, врачей там, профессоров каких-нибудь. Ты идешь в маске по улице (сегодня, кстати, было около 20 градусов тепла), весь вспотел. Между лицом и маской все парит, образовалась благоприятная среда для размножения бактерий и прочих паразитов: они в восторге, спасибо передают председателю правительства области Александру Стрелюхину.

Мало того, вокруг и так все не очень хорошо, а тут лицу и дыхательным путям вообще жопа. Носите маски в организациях, учреждениях, общественных транспорте, но не надо их носить на улице себе во вред.

По итогу: сегодняшний день я сравниваю с обычным выходным днем в Саратове в теплое время года. Когда большая часть жителей разъехалась по дачам, а остальные гуляют по городу. То есть людей толпы. Пробки, очереди в продуктовых, в фастфудах, на остановках и т.д.

Ни о какой самоизоляции и говорить не стоит. Полицейских нет, никто ничего не контролирует. Смешно от бессилия и грустно. Всем мир.

